

Каролина Дэй

МИЛЛИАРД СЕКУНД

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2)
Д94

Дэй К.

Д94 Миллиард Секунд / К. Дэй. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 354 с.

История опекуна и подопечной.

Он — великий художник за тридцать, я — детдомовская оборванка. Что нас связывает? Ничего, кроме неприязни друг к другу. Но именно Олег Соломонов протягивает руку и забирает из ужасного места, а в благодарность... Я влюбляюсь в собственного опекуна, который видит во мне всего лишь девчонку. Но я взрослая и способна преодолеть законы общества. А он? Он способен?

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90792-2

© Каролина Дэй, текст, 2022
© Ксения Богданова, обложка, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Пролог

— Ты знал, что миллиард секунд — это почти тридцать два года? — она подходит со спины и протягивает телефон. Смотрит своими большими глазами то на экран, то на меня. Радостно. Аж светится вся. — Вот, гляди. Пишут, что после этого жизнь меняется. На космическом уровне, понимаешь?

— Думаешь, к тридцати двум за мной прилетят инопланетяне и откроют вход в другую галактику?

— Нет. Просто ты уже прожил миллиард секунд, а я еще нет. Вдруг что-то изменится, ну... — мнется неуверенно, как в первые дни пребывания в моем доме, — между нами.

— Эй, — поднимаю ее личико за подбородок, — у нас ничего не изменится даже спустя сто миллиардов секунд, слышишь?

Ева осторожно заглядывает мне в глаза. Робко. Словно боится увидеть в них что-то пугающее, а через долгие три секунды пухлые губки растягиваются в легкой улыбке. Те самые, которые еще с утра находились в моем плену, которые шептали что-то несвязное.

Кричали в порыве страсти...

За ней хочется наблюдать вечность. Смотреть в ее волшебные глаза, разглядывать правильные черты лица. Точеные. Как у фарфоровой куклы из Детского Мира. Ее можно было бы принять за куклу, если бы она не проявляла никаких эмоций и не улыбалась сейчас. Все шире и шире. Вот и зубки белые появились. И ямочка на щеке. И блеск в родных глазах.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя больше жизни. Мое сердце будет биться, пока бьется твое, — касаюсь ложбинки между двумя округлыми холмами, спрятанными под моей рубашкой, смещаю ладонь чуть левее. Туда, где чувствуются учащенные удары. — Ты мне очень...

— Ладно, поняла. Заканчивай со своей романтикой, — перебивает и накрывает мои губы своими. Нежно касается, как раньше, а с напором, с дерзостью. С уверенностью, что я отвечу.

Может пройти много времени, но мои чувства к ней не изменятся. Любовь никуда не исчезнет, лишь перейдет из одной фазы в другую. Могут пройти сотни, миллионы, миллиарды секунд, но в какой-то момент я встану перед окном, открою его нараспашку, почувствую легкий летний ветерок на лице...

И осознаю одну важную вещь: свое обещание я так и не выполнил.

Глава 1. Точка отсчета

За несколько месяцев
до событий в прологе

— Выходи за меня.

— Я хочу уйти, — произносит Яна почти одновременно со мной.

Чувствую себя героем бабского сериала по федеральному каналу. Знаете, где кричат: «Да она любит тебя! Она не может любить меня! Да я люблю тебя!». Вспомнили? Вот примерно в такой же ситуации я оказался, только третьего лишнего тут не было. Я сам оказался в этой роли.

Теперь давайте представим всю картину в красках. Мы сидим в лучшем ресторане с видом на столицу. Вечерняя Москва освещается множеством огней, на трассе привычные пробки на фоне снежных сугробов у обочин. Приглушенный свет над нашим столиком создает романтическую атмосферу, бокалы лишь на четверть наполнены ее любимым гранатовым вином.

Сижу напротив с протянутой вперед бархатной корбочкой. Продавец сказал, что таких колец больше не продают, камень больше пяти карат. Она любит такие. Пафосные, помпезные. Ее стиль.

После долгой подготовки к этому ужину я получаю в ответ: «Я хочу уйти». В голове возникает лишь один вопрос:

— Почему?

Миллиард секунд

— Понимаешь... — медлит Яна, сминая в руках салфетку, — ты постоянно занят в студии. То с натурщиками, то еще с кем-то. Домой приходишь пару раз в неделю. А мне внимание нужно. Твое внимание...

Да ладно! То есть за два года беготни за ней я не уделял внимания? А три года отношений? И еще два года совместной жизни, когда я пылинки с нее сдувал? В последние недели я был занят подготовкой к выставке, но это не значит, что и раньше я вел себя, как эгоистичная скотина!

— Ты же знаешь, скоро выставка, нужно подготовить работы. Я даже половину не написал...

— И еще... — перебивает она. Да оставь уже в покое эту чертову салфетку! Сколько можно ее теребить? — Я семью хочу, детей.

— Я тоже...

— Если бы хотел, то я давно бы родила, — внезапно выкрикивает она, подняв на меня взгляд болотных глаз. Чуть влажный. — Сколько мы пытаемся? Полгода? Год? Все без толку! Я здорова, а ты...

— И я здоров.

— Твоих слов недостаточно.

То есть год без сигарет, алкоголя и прочей дряни прошел зря? Я зря, что ли, ел одну траву, запивая все травяным чаем, и ходил в качалку три раза в неделю — тоже зря? Ладно, качалка присутствовала в моей жизни еще до наступления ада — во имя здоровья, но все остальное...

— А что достаточно?

— Для этого анализы нужно сдавать, а ты ни в какую не хочешь идти!

— Со мной все нормально! — цежу я сквозь зубы. — Сама знаешь, я сильно занят.

— Вот поэтому я и хочу разойтись.

Осознание происходящего приходит не сразу. Может, алкоголь виноват, может, шок, может, еще какая-то хрень в голове поселилась. Не знаю, если честно. Но сейчас я готов пойти вместе с ней в клинику, пройти дурацкие процедуры, которые вызывают дикую боль, и лишний раз убедиться, что со мной все в порядке.

— Ян, давай все обсудим нормально. Не руби на корню.

— Как с тобой все «нормально» обсудить? Ты все время закрываешься от меня, ночуешь в своей мастерской. Каждый раз! Вспомни! Каждый раз, когда я хочу поговорить о детях, ты уходишь. Я устала.

Яна смотрит на меня, как на заклятого врага, ее грудь в вырезе элегантного черного платья то высоко поднимается, то опускается, ноздри раздуваются. Но злит Яна недолго. Отдышавшись, снова опускает глаза. Маленькая капелька падает на тарелку с остатками салата.

— Прости...

Вот и писклявость в голосе появилась. Довел девчонку. Это если со стороны посмотреть. Но на деле складывается ощущение, что довела как раз она. До края. Туда, где больше нет мира. Сплошной белый холст без конца.

— Я оплачу счет и... — лепечет она.

— Иди. Сам разберись.

Впервые в жизни она не перечит. Тихо стаскивает с колен тканевую салфетку, тихо поднимается и легкой походкой, за которой я так любил временами наблюдать, выходит из ресторана. А потом и из моей жизни. Пытаюсь запомнить и ее шикарную фигуру

в форме песочных часов, и идеально уложенные в аккуратный пучок волосы, и легкую улыбку, которой она одаривала окружающих.

Теперь я не вхожу в число счастливичков, наблюдающих за переливом белоснежного жемчуга между алыми губами...

Как любящий мужчина я должен остановить ее, взять за руку и впиться в ее губы. Посмотреть в глаза цвета насыщенной зелени и тихо умолять дать второй шанс, услаждая ласковым шепотом ее слух. Но ничего из этого я не делаю. Мы не в кино, в конце концов. Яна не станет слушать, как бы убедительно я сейчас ни говорил. Что бы ни обещал.

На самом деле ситуация странная. Точнее, не так — дебильная. Хотел ли я ребенка? Не знаю. Дети — это прекрасно. Бегала бы по нашей квартире маленькая светловолосая красавица с ярко-зелеными глазами и встречала бы меня из студии. Я бы писал ее портреты, разукрасил бы детскую.

Было бы здорово. Но от этой идеи мне ни горячо, ни холодно. Есть дети, нет детей. Какая разница? Времени еще полно.

Только вот у Яны его не нашлось...

— Принести счет? — ко мне подходит молодая официантка.

— «Абсолют». Бутылку и рюмку.

— Но у нас граммовки...

— Двести граммов, — говорю и протягиваю кольцо: — Возьмите.

Девушка некоторое время моргает темным веером ресниц и, немного постояв, молча берет красную коробочку. Через три минуты заказ передо мной.

Можно я не буду распевать песни а-ля «Напилася я пьяна»? Во-первых, это бабская фишка, а во-вторых, мне абсолютно плевать, сколько граммов водки войдет в организм.

Домой идти надо, только не хочется. Ноги не идут, не тянет туда, как раньше. Потому что она там. Пропитала квартиру своим ароматом, заполнила ее своими банками из-под кремов. А мне ведь важно личное пространство! Но я выделил ей место. Потому что люблю ее, дуру. До сих пор люблю.

Ладно, в студии переночую.

— Девушка! — кричу от барной стойки. Когда я успел переместиться? — Счет!

А теперь надо свалить отсю... Ух ты ж! Мне бы на ногах устоять, не то что до дома доехать! Ладно, вру, на ногах я нормально стою. Вроде бы. А чего это снег такой скользкий?

— Эй, аккуратнее! Не видишь, куда прешь?

Конечно, не вижу. Как можно заметить в темноте нечто черное, сливающееся с грязью на асфальте? Ах, это твоя куртка?

— Не заметил.

— Ты мне шмотки испачкал, придурок! В чем я теперь ходить буду?

Если честно, я не особо понял, какого пола это черное пятно. Вроде бы женским голосом говорит, но он такой хриплый и прокуренный! Больше подходит генералу в отставке.

— Постираешь, — бросаю через плечо и желаю как можно скорее оказаться в машине, а не среди снегопада, но тут...

— Не свалишь!

Оно цепляется за мою штанину и не отпускает. Охренительно! Еще и меня в грязь обмакни!

— Отвали!

— Ты глухой? Мне ходить теперь не в чем! Возмещай, придурок старый!

Отлично! Я до кучи еще и старый! Докатился!

— Так, — тянусь за кошельком во внутреннем кармане. — Держи на новую одежду и больше не приставай! — кидаю несколько купюр (не знаю, каких именно, рублевых или долларовых) и иду на парковку. Точнее, пытаюсь идти, пока меня выпустили на свободу.

— Придурок! Даже прощения не попросил!

И это благодарность за то, что я от сердца оторвал кровно заработанные бабки? Куда мир катится?! Ладно, черт с ними. Надо до машины доковылять. Не шатаюсь. Не привлекая внимания... никого. Но в какой-то момент мне показалось, что я иду строго вдоль черной полосы.

Жизненной...

Почти спокойно добрался до студии, благо она недалеко, в отличие от дома, открыл дверь и тут же завалился на диван. В последние дни часто оставался здесь ночевать. Много работы навалилось, пришлось оборудовать маленькую кухню и создать комфортные условия для ночлега. Янка не была против, наоборот, вместе со мной подбирала удобный раскладной диван.

Вот и довыбиралась.

— Стой! Больно, — она чуть отталкивает меня руками, как только я резко вхожу в ее влажное лоно.

— А так? — двигаюсь медленнее. Вперед-назад.